

ФАШИСТСКИЙ ПУТЧ В АВСТРИИ В ИЮЛЕ 1934 г. И УБИЙСТВО КАНЦЛЕРА ДОЛЬФУСА

(ИЗ НАЦИСТСКИХ ДОКУМЕНТОВ, НАЙДЕННЫХ НА ДНЕ ЧЕРНОГО ОЗЕРА)*

VI. СОБЫТИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 25 ИЮЛЯ 1934 г. НА БАЛЛХАУСПЛАТЦ И В МИНИСТЕРСТВЕ ОБОРОНЫ

1) Занятие здания резиденции бундесканцлера. Убийство Дольфуса.

В 12.50, еще до того как инспектор полиции Гёбель по указанию Карвинского смог отдать какие-либо распоряжения, в открытые ворота промаршировала караульная команда, пришедшая с Миноритенплац, и, прежде чем произошла смена караула, во двор въехали со стороны Левельштрассе машины с нацистами. Полицейские спокойно дали проехать машинам, полагая, как они заявили позднее, что это и было подкрепление, высланное для охраны. Не встретив особого сопротивления, нацисты провели первые мероприятия по занятию здания резиденции бундесканцлера. Присутствовавшим лицам они заявили, что операция проводится якобы «от имени бундеспрезидента». Хольцвебер взял под арест командира почетной стражи Бабка, другие нацисты — командира караула, пришедшего на смену, а также обе караульные команды. Был задержан и комиссар полиции, которого дирекция полиции направила для наблюдения за зданием. Арестованные в нижнем этаже лица были собраны во дворе и взяты под стражу.

В момент появления национал-социалистов Дольфус, Фей и Карвинский находились в рабочем кабинете Дольфуса. В 12.50, услышав шум моторов, Карвинский подошел к окну. Вначале он также подумал, что это прибыло затребованное им подкрепление, но, увидев несколько странный состав, понял, что это отнюдь не регулярные части. Вошедший в этот момент хейматшцупферер капитан Майер доложил, что в здание проникли «вооруженные люди». Дольфус, Фей и Карвинский вышли в прилегающий к рабочему кабинету колонный зал, чтобы посмотреть в окно... Дольфус не успел дойти до окна, как чиновник уголовной полиции Штейнбергер из его личной охраны доложил о появлении «солдат». Несколько удивленный, Дольфус произнес: «Вот как, солдаты?» — и в нерешительности остановился. В это время в зал вошел швейцар Гедвичек. Со словами: «Господин бундесканцлер, скорее» — он схватил Дольфуса за руку и повлек его за собой в рабочий кабинет. Как-то раньше в разговоре со Штейнбергером Гедвичек сказал ему, что, если когда-либо бундесканцлеру будет угрожать опасность, он выведет его по потайной лестнице из здания. Эта лестница находится рядом с помещением, в которое можно проникнуть через зал, рабочий кабинет Дольфуса и так называемую угловую комнату. В этот момент Гедвичек и хотел осуществить свое намерение.

Для занятия верхних этажей национал-социалисты выделили несколько групп. Арест кабинета министров поручался группе Хольцвебера. Поэтому эта группа, достигнув первого этажа, устремилась по коридору, ведущему к помещению кабинета министров, вправо от лестницы, с намерением арестовать находившихся там лиц. Планетта вел другую группу к первому этажу. Но какое задание должен был осуществить Планетта, не установлено. По всей вероятности, он хотел занять комнаты, выходящие на Баллхаусплац. Он повел свою группу по направлению к угловой комнате. Здесь они

* Продолжение. Начало см. «Вопросы истории», 1965, № 11.

и встретили Дольфуса, убегавшего в сопровождении Гедвичека. В угловой комнате Дольфус был убит.

Позднее Планетта был осужден военным судом как «убийца» Дольфуса. Проверка обоснования этого приговора показала, что материалы доказательства, составленные военным судом, не давали повода для вынесения подобного приговора. Сами же доказательства, которые военный суд рассматривал как установленные, на деле не были правильными. Полной ясности в дело об убийстве Дольфуса следствие еще не внесло. Но с известной долей достоверности можно предположить одно, а именно: Планетта стрелял в Дольфуса непреднамеренно.

Для внесения ясности в события, происшедшие в угловой комнате, должны быть приняты во внимание свидетельские показания и иные заявления следующих лиц: 1. Планетты; 2. Дольфуса; 3. Товарищей Планетты, вошедших вместе с ним в угловую комнату; 4. Гедвичека; 5. Других лиц, присутствовавших в комнате. Можно ли было видеть все происходящее в угловой комнате из других помещений, установить не удалось. Звуки выстрелов, раздавшихся в угловой комнате, слышали различные лица, находившиеся в других помещениях. Их показания также необходимо приобщить к делу. Ниже приводятся показания следующих лиц:

1. Планетта.

Показания, данные в бюро безопасности при дирекции полиции 27 июля 1934 г.: «...Я взял себе пистолет образца «19 Штейер». Оружие было заряжено и взято на предохраниль. 7 пуль в магазине, 1 — в стволе. Я побежал по коридору вправо и добрался до открытой двери, напротив которой заметил окно. Между окном и дверью комната была светлой, в то время как остальная ее часть, слева, показалась мне затемненной. Вбежав в открытую дверь, я никого в комнате не заметил. Устремившись вначале к двери, находившейся вправо от окна, я дернул ее, при этом пистолет находился у меня в правой руке. Дверь была заперта, тут мне послышался какой-то шорох, доносившийся из затемненной части комнаты. Я быстро обернулся, держа пистолет наготове, и увидел направившегося ко мне человека высокого роста. Хотя я обратил все внимание на этого человека, я все же успел заметить еще двух, находившихся в помещении, один из них стоял возле двери, ведущей в комнату слева (как раз напротив запертой двери). Третий находился между высоким мужчиной, приближавшимся ко мне, и человеком, стоявшим возле двери. По сути дела, я видел только его силуэт, так как основное внимание было направлено на того, кто находился поблизости от меня. Подняв пистолет, я крикнул: «Руки вверх!» Еще я успел заметить, что высокий мужчина пытается поднять руки вверх. В этот момент ко мне, со стороны вытянутой с пистолетом руки, подошел кто-то, на кого я до этого не обратил внимания и кого заметил лишь тогда, когда он встал между окном и мною, а его тень упала на меня. Я почувствовал, как этот человек почти дотронулся до меня то ли потому, что он наткнулся на меня, то ли потому, что, подняв руку с пистолетом, я сам коснулся его, этого я не знаю. В результате прикосновения мой пистолет выстрелил. Каким образом,— не знаю, может быть, потому, что я вздрогнул и средний палец, лежавший на спусковом крючке, нажал на него. По армейской привычке я держал указательный палец вдоль ствола, а средний — на спусковом крючке. Только в момент выстрела я разглядел ближе этого человека и увидел, как он упал на пол. Не могу вспомнить, стрелял ли я в него, или вообще в данной ситуации, второй раз, но не могу утверждать, что это полностью исключается. Я был настолько возбужден, тем более, что высокий мужчина находился возле меня, и еще раньше я заметил и третье лицо, что сейчас точно не помню, что я делал в тот момент и стрелял ли вторично. Взглянув на высокого человека, я увидел, что он стоит уже с поднятыми вверх руками, и тут я заметил находившихся в комнате наших людей. Только после этого я обратил внимание на лежащего на спине человека и узнал в нем бундесканцлера. И если я сейчас признаю, что был тем, кто стрелял в бундесканцлера, то все же отрицаю, как это явствует и из моего описания событий, что я намеренно убил бундесканцлера или, скажем, того человека, тень которого я увидел. Я настаиваю на том, что выстрел произошел непреднамеренно, только в результате моего возбуждения или испуга (когда я вздрогнул), или же в результате прикосновения к этому человеку. Когда я... увидел канцлера лежащим на полу, я был совершенно удручен и сказал ему что-то. По-видимому, я спросил его, попал ли я в него,

на что он ответил: «Я не знаю». И поскольку я сам не знал, попал я в него или нет, то сказал ему: «Так поднимитесь же» — или что-то в этом роде, на что он ответил: «Это я сделать не могу». И только в этот момент я разглядел кровь, стекавшую по правой стороне груди. Затем я поспешно вышел из комнаты, спустился вниз по лестнице, чтобы взять перевязочный материал...»

2. Дольфус.

Сообщение обер-полицейских Рудольфа Мессингера и Иоганна Грейфенэдера в генеральную дирекцию общественной безопасности Вены от 1934 года: «...Примерно в 13.45 военные, занявшие помещение резиденции федерального канцлера, спросили, нет ли кого-нибудь, кто сумеет наложить временную повязку. Мы вызвались сделать это, и нас под охраной повели на первый этаж, где возле окна, на полу, истекая кровью, в бессознательном состоянии лежал господин бундесканцлер д-р Энгельберт Дольфус... Мы сделали ему перевязку, перенесли раненого на диван и стали прикладывать холодные примочки. После этого Дольфус пришел в себя... После того, как мы перевязали и уложили д-ра Энгельберта Дольфуса на софу и привели его в чувство холодными примочками, к нему подошел майор из бунтовщиков и между ними произошел следующий разговор: «Господин бундесканцлер, вы меня звали, что вам угодно?» Господин бундесканцлер осведомился, что произошло с остальными членами правительства. Майор ответил, что министры чувствуют себя хорошо и что с господином бундесканцлером ничего бы не случилось, если бы он не оказал сопротивления. Бундесканцлер ответил: «Ведь я все же солдат...».

Показания районного инспектора полиции Иоганна Грейфенэдера, данные им в Исторической комиссии рейхсфюрера СС 7 сентября 1938 года: «...Прошло немного времени... и канцлер снова пришел в себя. Он начал говорить, но, очевидно, не имел ясного представления о происходящем. Мне припоминаются его слова: «Да что же это такое происходит, входят майор, капитан и несколько военных и стреляют в меня». Из этих слов я заключил, что в Дольфуса стреляло несколько человек... Какое-либо определенное лицо он не называл... Дольфус осведомился у Худля о самочувствии некоторых министров, и в ходе этого разговора Худль заметил, что и Дольфус был бы в полном здравии, если бы не стал сопротивляться. Дольфус на это сказал: «Я все же был солдатом». Из этих слов я сделал вывод, что он обладал мужеством...».

Показания районного инспектора полиции Рудольфа Мессингера в Исторической комиссии рейхсфюрера СС от 7 сентября 1938 года: «...Прошло что-то около 10 минут, и Дольфус пришел в себя... Худль сказал ему: «Вы меня звали, господин бундесканцлер, что вам угодно?» Вначале Дольфус осведомился о том, как чувствуют себя остальные члены правительства, на что Худль ответил, что министры находятся в добром здравии и что с ним (бундесканцлером) ничего не случилось бы, не окажи он сопротивления. Дольфус ответил на это: «Ведь я же был солдатом». Из этого я заключил, так же как и мой товарищ Грейфенэдер, что Дольфус, безусловно, оказал сопротивление и, возможно, дело дошло до борьбы. Если я в своих предыдущих показаниях не изложил эту мысль яснее и лучше, то должен признать, что тогда я находился под известным давлением и не решился изложить это письменно».

3. Товарищи Планетты, вошедшие вместе с ним в угловую комнату.

а) Роберт Марешка, хауптшарфюрер СС. Допрос в Исторической комиссии рейхсфюрера СС от 28 июля 1938 года: «Я был причислен к группе Планетты и в соответствии с приказом направился на первый этаж. Планетта уже до этого вошел в комнату, в которой находились Дольфус, швейцар Гедвичек, еще один швейцар, толстяк на вид, а также Целлер (хауптшарфюрер СС). Дольфус пытался скрыться через дверь, ведущую в зал заседаний. Дверь была закрыта, но не заперта. Гедвичек стоял, повернувшись лицом к зеркалу, под охраной Целлера. Я подошел к толстяку, которого я раньше принял за швейцара — имя его было мне неизвестно, приказал ему поднять руки вверх и повернуться, что он и выполнил. Планетта подошел к Дольфусу, вероятно, с намерением помешать ему выйти из комнаты. Увидев приближавшегося к нему Планетту, Дольфус, по-видимому, обернулся и сказал: «Что вы от меня хотите?» Показалось, что Дольфус намеревался схватить Планетту. В этот момент и раздался выстрел. Я совер-

шенно отчетливо слышал лишь один выстрел. Вслед за тем я никаких выстрелов не слышал...»

б) Иосиф Целлер, хауптшарфюрер СС. Допрос в Исторической комиссии рейхсфюрера СС от 1 августа 1938 года: «...Первым вошел в комнату Планетта. Я вбежал вслед за ним. Находился ли кто-либо впереди меня, я не знаю. Мы побежали вправо, по направлению к двери, чтобы запереть ее. Когда мы вошли в комнату, в ней никого не было. И только когда мы находились в центре между обеими дверями, мы увидели выходящего из левой двери высокого человека, ведущего за руку другого человека, очень маленького роста. Это и были швейцар Гедвичек и Дольфус. Тогда я их еще не знал. Гедвичек был слева, а Дольфус справа. Оба они бежали к двери, ведущей в зал заседаний, по всей вероятности, чтобы скрыться в этом направлении. Планетта, держа наготове пистолет, крикнул: «Руки вверх!» Я слышал, как Дольфус на это сказал: «На помощь, что вы хотите от меня?» При этом Дольфус пошел навстречу Планетте со слегка поднятыми руками. У меня сложилось впечатление, что он хотел, обойдя Планетту, пробраться к двери. Коснулись ли при этом Дольфус и Планетта друг друга, сказать не могу. Они стояли совсем рядом и таким образом, что я не мог точно рассмотреть. Сразу же за призывом Дольфуса о помощи я услышал выстрел. С уверенностью говорю, что это был один выстрел и ни в коем случае не два, следующие через короткий промежуток. В момент выстрела Планетта стоял спиной к двери, а Дольфус лицом к нему. В момент выстрела Планетта держал пистолет у бедра. У меня создалось впечатление, что выстрел произошел в результате прикосновения Дольфуса. Гедвичек остался позади. Не могу уже сказать, где он находился в момент выстрела, ибо потерял его из виду. Вскоре же после выстрела Планетта и другие товарищи устремились через левую дверь в другие комнаты...».

в) Стеастни, обершарфюрер СС. Памятная записка Исторической комиссии рейхсфюрера СС: «...Я вошел в комнату, в которой некоторые окна были затемнены, и увидел Планетту, стоявшего справа, вблизи открытого окна. Его лицо было обращено к высокому мужчине, двигавшемуся на него. Планетта поднял пистолет и крикнул: «Руки вверх!» Высокий мужчина еще приблизился к нему, но все же поднял руки. Тут к Планетте бросился человек маленького роста. И в этот момент раздался выстрел, на расстоянии что-то около полуметра, и человек маленького роста упал на пол, головой к окну. Планетта размахивал пистолетом, а за это время в комнату вошло еще несколько наших товарищей; мы сказали, что Планетте нечего бояться. Планетта занялся лежащим на полу. Я тоже опустился на колени и осмотрел его. Я увидел огнестрельную рану с левой стороны шеи, у воротника. И только в этот момент мы узнали в пострадавшем бундесканцлера Дольфуса. Настроения присутствующих были различными. Некоторые проявили радость, что с Дольфусом наконец покончено, другие, наоборот, были раздосадованы, ибо считали, что живой Дольфус более важен, чем мертвый...».

4. Гедвичек.

Свидетельские показания на судебном разбирательстве в военном суде от 30 и 31 июля 1934 года: «...Мы поспешно прошли через угловую комнату и только хотели открыть дверь, ведущую в соседнее помещение — ключ торчал в двери, — как человек 8—12, одетые в военную форму, ворвались в комнату; у каждого из них было в руках оружие. Они кричали: «Руки вверх!» Бундесканцлер поднял руку, чтобы прикрыть лицо, и в этот момент раздались два выстрела. Описав круг, бундесканцлер упал. Человек, стрелявший в бундесканцлера, подошел совсем близко и прицелился в него. Окно было открыто, а после выстрелов один из них прикрыл его. Неверно утверждают, что в комнате было темно и что бундесканцлер подошел к человеку или же что, сделав защитное движение, он коснулся пистолета стрелявшего...».

5. Иоганн Штейнбергер, инспектор уголовной полиции.

Допрос в Исторической комиссии рейхсфюрера СС от 13 июля 1938 года: «...Когда я переступал порог угловой комнаты, то увидел, что в ней уже находилось человек 10—12 в солдатской форме. Некоторые из них стояли возле бундесканцлера. Я разглядел, что Гедвичек держится правой рукой за ручку двери. Рука его была при этом вытянута, а за ней, то есть справа от Гедвичека, стоял Дольфус. Их лица были обра-

шены в сторону вбегавших солдат. У меня сложилось впечатление, что оба они намеревались скрыться через эту дверь, но солдаты им помешали, и они отказались от этой попытки. В тот самый момент, когда я вошел в угловую комнату, там находилось, как мне показалось, человек пять или шесть, а остальные стремительно вбегали в помещение через среднюю дверь. Находившиеся в комнате люди окружили канцлера. Вдруг раздался выстрел, и Дольфус упал на пол возле окна. С какой стороны был произведен выстрел, я не уловил. Слышал только один выстрел и на всех допросах неизменно подчеркивал это. Полагаю, что Дольфус оказал сопротивление наступающим. Мое убеждение таково, что стрелявший человек сделал этот выстрел непреднамеренно, и не ошибусь, утверждая, что видел, как Дольфус сделал рукой защитное движение против наступающих на него людей. Насколько помнится, Гедвичек с места не двигался. Все произошло за несколько секунд. После того, как прозвучал выстрел и Дольфус упал, я услышал, как люди начали громко переговариваться между собой, но слов разобрать не мог. Вскоре мне было приказано с поднятыми вверх руками повернуться к стене и стоять смирно. Это приказание и было мною выполнено...

В соответствии с данными показаниями можно рассматривать как установленные следующие факты:

Планетта со своей группой вошел в угловую комнату в тот самый момент, когда там находились Дольфус и Гедвичек.

Показания Роберта Марешки, что еще до встречи Планетты с Дольфусом Гедвичек был поставлен к стене, противоречат всем другим показаниям. Да и неправдоподобно, чтобы после ареста Гедвичека Дольфус мог находиться в комнате незамеченным.

Дольфус и Гедвичек пытались уйти от ворвавшихся в комнату национал-социалистов. А поскольку дверь в зал заседаний оказалась запертой, Гедвичек отпустил руку Дольфуса, которую крепко держал в своей, чтобы попытаться открыть дверь. В это время Планетта и его товарищи уже вошли в комнату с поднятыми пистолетами. Не выяснено, успел ли Гедвичек добраться до двери, ведущей в зал заседаний, до появления Планетты. Гедвичек, однако, это определенно утверждает. Планетта показал, что он заметил Гедвичека только тогда, когда он дергал дверь в зал заседаний. Показания других свидетелей не проливают на это света.

Все показания сходятся в одном, а именно: что в момент выстрела Планетта и Дольфус стояли на близком расстоянии один от другого и что перед выстрелом Дольфус поднял руку. Также и Гедвичек в каждом своем показании говорил о том, что Дольфус поднял руку.

В ходе судебного разбирательства на процессе Планетты Гедвичек показал, что Дольфус поднял руку с целью защитить себя, так как Планетта целился в него. Это показание противоречит данным Планетты. И, несмотря на это, оно явилось решающим для обоснования смертного приговора, вынесенного Планетте. Это показание в отношении его достоверности должно быть весьма тщательно проверено. За данные же Планетты говорит его поведение как по отношению к полиции, так и перед судом.

После того как он признал себя виновным, Планетта очень подробно и ясно изложил ход событий. О выстрелах он говорил с большой осторожностью. Он не может объяснить, явился ли выстрел следствием его испуга (когда он вздрогнул) или же прикосновения Дольфуса. Показательно и его поведение после выстрела. Различные свидетели подтвердили, что он немедленно побежал за перевязочным материалом. И если отдельные, пробравшиеся в резиденцию бундесканцлера национал-социалисты после выстрелов в Дольфуса испытывали чувство удовлетворения, то сам Планетта, будучи руководителем этой операции, отнюдь не был обрадован ранением Дольфуса. Он сказал, что ранение Дольфуса может отрицательно сказаться на исходе восстания. Характерно, наконец, что после вынесения ему смертного приговора, когда для него, как видно было по ходу процесса, не было никакой надежды на помилование, Планетта принес свои извинения вдове Дольфуса и сказал, что он не хотел совершать преступления.

Все высказывания Планетты приобретают тем больший вес, что товарищи характеризуют его как добросовестного, рассудительного человека; даже противники должны были признать обдуманность и рассудительность его поведения.

Полной противоположностью является Гедвичек. Это типичный представитель чешских служаков в венских канцеляриях. Чешский акцент еще и сейчас чувствуется

в его речи. Ранее ничем не примечательная личность, в результате событий 25 июля он стал вдруг широко известен общественности. Им занималась печать, помещая его фотографии; с разных сторон его расспрашивали и допрашивали о событиях в резиденции бундесканцлера. На его показаниях можно было построить желаемый смертный приговор Планетте. Критическое рассмотрение различных его показаний позволяет сделать вывод, что он говорил лишь то, что желательно было для тогдашних властей. Приводимое ниже сличение показаний Гедвичека в полиции и на суде доказывает это.

Показания в полиции: «Я как раз открывал дверь из угловой комнаты в соседнюю, ключ торчал в замочной скважине, но дверь была заперта». В этом же протоколе, следующий абзац: «Была ли дверь, ведущая в угловую комнату... открытой или же запертой, сказать не могу». Вначале Гедвичек утверждает, что дверь из угловой комнаты в соседнюю была заперта. Но в ходе этого же допроса он меняет свои показания и говорит, что не может сказать, была ли дверь заперта.

Показания в полиции: «Если Отто Планетта, приведенный на очную ставку, признаёт, что он был тем... кто стрелял, то это, пожалуй, правильно, но узнать его я не могу». Показания на суде: «После очной ставки с обвиняемым Отто Планеттой свидетель Гедвичек заявил, что это тот человек, который застрелил Дольфуса». Итак, в полиции Гедвичек открыто заявил, что он не может признать в Планетте виновного в убийстве канцлера, в то же время на суде он безоговорочно характеризует его как человека, застрелившего бундесканцлера.

Показания на суде: «Первый выстрел был сделан под руку, второй в голову». Здесь яснее всего видна ложь Гедвичека. Установлено, что рана под рукой — это выходящее отверстие раны. Судя по распылению пороха вокруг раны на шее, это не вызывает сомнений. 25 июля Гедвичек имел возможность видеть труп Дольфуса еще раз и, видимо, сделал свои собственные выводы об убийстве. И эти-то выводы он и представил на суде как факты.

Показания в полиции: «Когда бундесканцлер увидел бросившихся к нему людей, он, чтобы защититься, поднял руку против того из них, кто приближался к нам с поднятым револьвером». Показания в суде: «Бундесканцлер поднял руку, чтобы защитить лицо, и тут же последовали два выстрела». В полиции Гедвичек утверждал, что Дольфус сделал защитное движение «против одного», то есть против Планетты. На суде же он не связывает движение Дольфуса с Планеттой.

Показания в полиции: «Подожел ли канцлер к нему или движением руки коснулся его пистолета, я не видел». Показания на суде: «Неверно, что бундесканцлер подошел к человеку или что движением руки он коснулся пистолета стрелявшего». Итак, в полиции Гедвичек говорит осторожно, что он не видел, чтобы Дольфус и Планетта прикоснулись друг к другу, в то время как на суде он оспаривал правильность этого факта.

Противоречия в показаниях Гедвичека показывают, что на него было оказано влияние. А поскольку на этих показаниях основывается смертный приговор, вынесенный Планетте, Гедвичек был допрошен подробно еще раз. Результатом этого допроса явилось признание Гедвичека, что его показания на военном суде были ложными. Но он тут пытается вывернуться, заявляя, что не может точно вспомнить данные им ранее показания, и ссылается на то, что его, видимо, неправильно поняли. Но вопрос, заданный Гедвичеку на заседании военного суда, был поставлен настолько ясно, что недопонимание вряд ли возможно. Что Дольфус сделал движение рукой в сторону Планетты, видно также и из показаний свидетеля Штейнбергера. У Штейнбергера создалось впечатление, что движение Дольфуса носило оборонительный характер. Это в конце концов подтверждается и словами Дольфуса, сказанными в ответ на вопрос Худля, почему он оказал сопротивление. Из ответа «Я ведь был солдатом» нужно сделать заключение, что Дольфус действительно хотел оказать сопротивление. Достоинством внимания и то, что эти слова Дольфуса были уже известны из отчетов Грейфенэдера и Мессингера на следствии 1934 года. В этой связи заслуживает внимания показание Гедвичека, согласно которому Дольфус незадолго до прихода в угловую комнату спросил о револьвере. Из этого следует сделать вывод, что Дольфус намеревался оказать сопротивление.

Утверждение Планетты, что выстрел был вызван либо прикосновением Дольфуса или же рефлекторным движением его руки, коснувшейся Дольфуса, следует считать доказанным.

Не представляется возможным установить со всей определенностью, что Планетта дважды стрелял в Дольфуса. Сам Планетта показал, что ему помнится, будто он выстрелил только один раз, но когда ему было заявлено, что никто другой в Дольфуса не стрелял, он объяснил второй выстрел тем, что, возможно, он произвел так называемый двойной выстрел, то есть одним нажатием на спусковой крючок осуществил два выстрела. Пистолет Планетты 9-мм образца «12 Штейер», самозаряжающийся. У этой модели между спуском и выбрасывателем находится специальное приспособление, которое не допускает двойных выстрелов. Привлеченные по процессу Хольцвелебра — Планетты эксперты д-р Денк и генерал-майор Пуммерер заявили, что это приспособление действительно не допускает двойного выстрела. Но не исключено, что Планетта в состоянии возбуждения дважды нажал на спусковой крючок. Допрошенные до сих пор товарищи Планетты, вошедшие вместе с ним в угловую комнату, со всей определенностью показали, что слышали только один выстрел. Чиновник уголовной полиции Штейнбергер также с уверенностью утверждает, что слышал лишь один выстрел. Из лиц, находившихся в угловой комнате до появления Планетты, только один Гедвичек говорит в своих показаниях, что он явственно слышал два выстрела.

Показания лиц, находившихся вне угловой комнаты, весьма противоречивы в отношении того, сколько выстрелов было произведено. Эти показания едва ли могут быть использованы, поскольку многие свидетели заявили, что в момент занятия первого этажа выстрелы слышались также и из других комнат, а поэтому легко может быть допущена путаница. Так, Мессингер, который нес службу в резиденции бундесканцлера, показал, что за первые четверть часа было сделано примерно 3—5 выстрелов. Старший инспектор уголовной полиции Гёбель слышал по меньшей мере 5 выстрелов. Другие свидетели показывали, что они слышали громкие звуки, но не могли определить, было ли это хлопанье дверьми, окнами или же выстрелы.

В связи с такой неопределенностью в вопросе о выстрелах в ходе следствия была учтена также возможность, что вслед за Планеттой в Дольфуса стрелял кто-то другой. Но расследование этого вопроса ясности не внесло.

В этом отношении важное значение имеют показания свидетелей Стеастни и Кюнеля. Оба эсэсовца принимали участие в захвате резиденции бундесканцлера и вскоре после первого выстрела осматривали тело Дольфуса. При последнем допросе они показали, что видели у Дольфуса только одну огнестрельную рану в области шеи, и в ответ на дальнейшие вопросы заявили, что не обнаружили возле раны никаких следов пороха. Поскольку обе огнестрельные раны на шее Дольфуса были расположены совсем рядом и вокруг верхней раны явственно различались следы пороха, эти показания говорят о том, что второй выстрел произведен позднее. Во всяком случае, следует считать, что оба свидетеля осмотрели тело Дольфуса недостаточно тщательно, чтобы их показания могли быть привлечены для выяснения этого вопроса.

Поведение эсэсовцев, которые после ранения Дольфуса оставались в угловой комнате, с психологической точки зрения допускает, что они могли вторично стрелять в Дольфуса. Один из них — Стеастни — дал по этому вопросу следующие показания: «...Между нами и Дольфусом произошел следующий разговор. Дольфус сказал: «Позовите ко мне священника и врача и примите меры, чтобы Муссолини взял на себя заботу о моей жене и детях». На это некоторые из нас сказали, что священник ему больше не требуется. И если ему и может еще кто-либо помочь, так это мы... Другие кричали, что это — чистое безобразие, когда в такой момент он думает о Муссолини. Тот ничего не хотел знать о Германии, что явно показал визит фюрера, который был большим конфузом для последнего. На это Дольфус сказал: «Дети мои, этого вы не понимаете, я всегда хорошо относился к вам и заботился о вас». Тут мы, перебивая друг друга, начали кричать, что знаем, мол, такую заботу, вот уже сколько лет, как мы не имеем работы, сняты с пособия, другие сидят в лагерях, а нине уже покончили жизнь самоубийством. Дольфусу не пристало говорить такие глупости. Планетта также сказал, что вот уже сколько времени он не имеет работы и Дольфус повинен в этом. Вслед за этим Планетта вышел из комнаты. Разговор еще продолжался, но меня он больше не интересовал, и я также вышел из комнаты. Что касается выстрелов, то я слышал только один — выстрел Планетты. Позднее никаких выстрелов больше не слышал. Когда я снова вернулся в комнату, Дольфус лежал все на том же месте, но был без сознания. Тогда я разрезал пиджак и рубашку и увидел, что под правой рукой сильно

кровоточит. Спустя 15—20 минут после выстрела в комнату вошел Планетта с перевязочным материалом. Затем Дольфуса положили на софу. Лишь позднее я узнал, что в Дольфуса стреляли дважды, но до сих пор никак не могу уяснить себе этого...».

Можно допустить такое объяснение, что, возбужденный разговором с Дольфусом, один из эсэсовцев приставил пистолет к шее Дольфуса и выстрелил. Обе огнестрельные раны находились на левой стороне шеи, на расстоянии около 4 см одна от другой. Возле верхней раны отчетливо виднелось темное кольцо от пороха — следы близкого выстрела. Края нижней раны были слегка зазубрены и не имели ярко выраженных следов ближнего выстрела. Третья рана была выходной; она находилась в верхней части подмышечной впадины. Установлено, что Дольфус после падения жаловался на то, что не может подняться. По заключению эксперта университетского профессора д-ра Веркгартнера, это объяснялось явлениями наступившего паралича. Проф. Веркгартнер пояснил при этом, что только смертельное ранение может вызвать такое быстрое появление паралича. Во время полицейского расследования в июле 1934 г. полагали, что второй выстрел проник в мышечную ткань на левой стороне шеи. Но проф. Веркгартнер указал, что это нельзя считать достоверным: поскольку труп Дольфуса 25 июля 1934 г. подвергался рентгеновскому исследованию лишь поверхностно, то, как полагает проф. Веркгартнер, возможно еще и сейчас допустить, что пуля проникла в шейные позвонки. Проведенное рентгеновское исследование было настолько поверхностным, что тень от металлического тела в области позвоночника могла быть не распознана на снимке.

Если бы даже не были известны более подробные обстоятельства убийства Дольфуса, то уже из одного поведения Планетты и его товарищей можно сделать вывод, что Планетта стрелял в Дольфуса непреднамеренно. Не только товарищи Планетты, но почти все министры, находившиеся в резиденции бундесканцлера, показали, что спустя некоторое время после их (министров) ареста всех опрашивали, нет ли среди них врача (или медицинского работника). Некоторые из чиновников только при этом поняли, что идет речь о национал-социалистском путче, так как во время поисков врача было выдвинуто требование, чтобы он не был евреем. Когда врача не нашлось, начали опрашивать, кто из присутствующих проходил подготовку в качестве санитаря. По всему дому шли также поиски перевязочного материала. Все это было организовано Планеттой. В свете отчетов, представленных властям арестованными в резиденции бундесканцлера чиновниками вскоре после 25 июля 1934 г., слухи о том, что национал-социалисты предоставили Дольфусу истекать кровью, являются сознательной ложью. Правительство распространяло подобные слухи лишь для того, чтобы вызвать среди общественности чувство ненависти к национал-социалистам. В официальном сообщении австрийского правительства о событиях 25 июля 1934 г. это выглядело так: «Прошло 2 ч. 45 мин., а убийцы и не подумали о том, чтобы допустить к умирающему священника и врача. Тот факт, что ему не была оказана медицинская помощь,— лучшее доказательство того, что убийство было предусмотрено планом восставших. Если бы ранение канцлера можно было приписать несчастному случаю или самоchinным действиям отдельного лица, то другие восставшие предприняли бы по меньшей мере попытку спасти жизнь бундесканцлеру д-ру Дольфусу». Это наглое искажение фактов было системой, ибо на убийстве Дольфуса строилась вся политическая пропаганда правительства Шушница.

Несмотря на утверждение, что Дольфусу было отказано во врачебной помощи, австрийское правительство опубликовало отчеты полицейских Грейфенэдера и Мессингера, в которых эти чиновники, преданные правительству, подробно сообщали, как они, будучи подготовленными санитарями, были привлечены для оказания помощи Дольфусу. На самом же деле эти отчеты были опубликованы лишь потому, что в них приводились последние слова Дольфуса о его преемнике и его последняя воля. Еще в 1934 г. в служебной записке Грейфенэдер сообщал о том, что на просьбу, обращенную к Худлю, немедленно вызвать врача тот ответил, что вопреки человеческим чувствам он не может выпустить из дому ни одного человека. Мессингер и Грейфенэдер сообщали также, что многие эсэсовцы помогали ухаживать за Дольфусом и доставали перевязочный материал.

Таким же ложным было и утверждение правительственной пропаганды, что национал-социалисты и не подумали якобы выполнить последнее пожелание Дольфуса и вызвать к нему священника. Многие лица, преданные правительству, которые были

задержаны в резиденции бундесканцлера — чиновники уголовной полиции Пришинг, Пфлуг и Фрэйлер, капитан Шталь из хейматшуда и начальник секции Губер, — в своих показаниях, данных федеральной дирекции службы безопасности, со всей определенностью говорили о том, что шли поиски священника. Эти материалы были положены в основу официального сообщения, но приведенные выше показания упомянуты не были. Вместо этого было сказано: «В отказе доставить священника следует усматривать проявление особой жестокости, поскольку глубокие религиозные чувства канцлера были известны убийцам».

В то время, когда в угловой комнате разыгрывались события, все лица, встреченные в других помещениях, были задержаны. Их отвели во двор или в колонный зал на первом этаже, где они были взяты под строгую охрану. При этом им было сказано, что всякий, кто сделает движение, будет расстрелян. В колонном зале, спустя несколько секунд после того, как Дольфус покинул его, оставшиеся там лица были арестованы ворвавшимися нацистами и их заставили занять места за столом. Среди них находился и Фей со своим штабом. Карвинский выбежал в соседнюю комнату, чтобы связаться по телефону с полицией. Но прежде чем он смог произнести хоть одно слово, он был арестован. Вначале его отвели в приемную канцелярии президента, затем — во двор и в конце концов — в колонный зал..

После того как Хольцвебер со своей группой пришел на первый этаж, он направился в колонный зал, чтобы, миновав его, пройти в комнату кабинета министров. Он принял участие в аресте тех, кто находился в колонном зале, а затем с доверенным лицом от национал-социалистов в ведомстве бундесканцлера чиновником уголовной полиции Камба обыскал все остальные помещения. Он констатировал, что, кроме Дольфуса и Фея, в доме не осталось ни одного министра. А так как ему было поручено при захвате резиденции бундесканцлера возглавлять группу, которая имела задание произвести во время заседания арест кабинета министров, то он стал в тупик, не зная, что же ему теперь предпринять. При допросе в ходе судебного следствия Хольцвебер показал: «Оставив несколько человек в комнате с арестованными, я отправился на поиски руководителя операции. Но его не оказалось, и я понял, что дело идет не совсем так, как было условлено. Тут же, как и было договорено ранее, я позвонил в кафе Эйлес, пытаясь позвать к телефону некоего Кунце. Но его тоже там не оказалось». Под «руководителем операции» он подразумевал Гласса. «Кунце» — псевдоним районного инспектора уголовной полиции Роттера.

Чиновник уголовной полиции Камба показал, что после последних переговоров с Глассом и Роттером он считал, что Гласс, Вехтер и Ринтелен к моменту прибытия команды уже находились в резиденции бундесканцлера. По его словам, они должны были направиться туда еще до начала операции. Камба далее рассказал: не найдя Гласса, Хольцвебер испытывал горькое разочарование, он также высказал мнение, что их бросили на произвол судьбы, а остальных, возможно, уже «сцапали».

В оправдание своего отсутствия в резиденции бундесканцлера Гласс в одной из первых докладных записок показывал: «Почти в то же время, когда я занимался распределением сил, я поручил чиновнику уголовной полиции Штейнеру подать мою машину (с водителем Кюнелем) к гимнастическому залу; машина стояла на углу Штифтсгассе. На этой машине я намеревался отправиться впереди колонны. Первые грузовики уже были заполнены нашими людьми, но я не видел ни своей машины, ни Штейнера. Рядом с тем местом, где стояла моя машина, находилась и машина штандарте, предназначенная для руководителей операции, одетых в форму (Хольцвебера, Худля, высших полицейских чинов). Штейнер, видимо, по незнанию подал эту машину. Сам по себе этот факт не имел бы значения, если бы завершилось удачно следующее мероприятие. До того как закончилось распределение отрядов, я дал, кроме Штейнера, аналогичное задание адъютанту штурмбанна 111/89 обершарфюреру СС Домесу. Домес — ответственный за доставку оружия — был одет в гражданское платье. С распределением было уже покончено, я приказал отправляться, а Домес все еще не возвращался. Для большей верности я выделил дополнительно еще один грузовик к тем, которые перевозили оружие, людей и боеприпасы. Когда автоколонна уже двинулась в путь и последний нагруженный грузовик находился в 10—15 метрах от того места, где я стоял (перед входом в гимнастический зал), я наконец увидел Иосифа Домеса, но без машины, идущего по Зибенштернгассе, по направлению к гимнастическому залу. По знакам,

подаваемым им, я понял, что он машины не нашел. Тогда я тут же принял решение сесть на только что подбехавший к гимнастическому залу резервный грузовик, чтобы последовать за колонной. Мы с шофером собирались уже сесть в машину, как на грузовик набросилось несколько человек в гражданском платье, в которых я тут же распознал чиновников уголовной полиции. Одному из них удалось справиться с шофером, который, не зная положения дел, не оказал никакого сопротивления, и вынуть ключ из машины. Один из этих людей хотел наброситься также и на меня, но я опередил его. Слезая с машины, я вынул свой внушительный пистолет «Штейер». Это, видимо, неожиданное движение озадачило стоявших вокруг на расстоянии 3—4 м от меня 4 или 5 полицейских. Почти все они закричали, чтобы я бросил пистолет. Очевидно, под влиянием этих криков я в самом деле бросил пистолет под ноги стоявшим передо мной и закрывавшим вход в гимнастический зал полицейским. В тот же момент я побежал к входу в гимнастический зал, а полицейский, рассчитывая, по всей вероятности, на возможность выстрела из брошенного пистолета, отскочил в сторону и тем самым освободил мне путь».

Эти показания Гласса подтверждаются служебными записками чиновников уголовной полиции, которые были вместе с д-ром Пенном у гимнастического зала. Глассу удалось через черный ход уйти из гимнастического зала. О дальнейшем он показал следующее: «На Марияхильферштрассе я сел в подвернувшееся такси и поспешил в 3-й район, поскольку хотел быстрее добраться до резиденции бундесканцлера. Полагая, что пытавшиеся арестовать меня возле гимнастического зала полицейские направятся туда же, я решил несколько изменить свой внешний вид. В магазине Унгера я купил себе шляпу и пальто другого цвета. В новом облачении я снова на такси отправился к резиденции бундесканцлера. Перед входом стоял отряд шуцкора с ружьем к ноге. Кроме того, подъехал еще броневик алармабтейлунга. В первый момент я не мог отдать себе отчета в том, что произошло. Около двух часов я встретил возле резиденции бундесканцлера д-ра Вехтера. Он кратко проинформировал меня, что люди из моего подразделения находятся в резиденции, значит, взят и весь кабинет министров. Напрасно пытался я прокричать пароль в замочную скважину. В нее я разглядел только, что по двору двигаются с поднятыми вверх руками люди в гражданском платье. Поскольку, как было установлено дополнительной проверкой, грузовику с оружием не удалось проскочить в ворота, Хольцвебер отказался от выставления предусмотренной мною внешней охраны под командованием Худля. Дальнейшие мои попытки проникнуть в резиденцию бундесканцлера остались безрезультатными».

Эсэсовцы Отмар Глаттер и Отмар Вельфель, принимавшие участие в захвате резиденции бундесканцлера, докладывали, что они наблюдали из помещения, как Гласс тщетно пытался пройти во двор. Глаттер пояснил, что Худль, который при захвате здания находился со своими людьми с тыловой стороны, не разрешил открыть ворота, сказав, что, принимая во внимание создавшееся положение, будет лучше, если Гласс останется за пределами здания. Это сообщение в известной мере противоречит показаниям Камба, который заявил, что вскоре после захвата помещения в присутствии его и еще нескольких эсэсовцев Хольцвебер отдал приказ разыскать Гласса и поручил охране, выставленной у ворот, немедленно впустить его. А поскольку Хольцвебер на допросе в ходе судебного следствия сказал, что он разыскивал руководителя операции, то показания Камба кажутся правдоподобными.

Как установлено свидетельскими показаниями, Гласс был арестован хеймверовцами возле резиденции бундесканцлера и отправлен в казарму хеймвера, а позднее передан полиции.

За это время в самом здании резиденции Худль взял на себя командование в нижних этажах. Кроме личного огнестрельного оружия, имевшегося у каждого из оставшихся, в распоряжении национал-социалистов находился еще пулемет. Грузженный оружием и боеприпасами грузовик в результате допущенной оплошности, не выясненной до сих пор, остался на Зибенштернгассе и был конфискован уголовной полицией. Пулемет находился вначале на одном из грузовиков во дворе, позднее был установлен в окне первого этажа. Прибыв в здание резиденции, Худль тут же приказал закрыть все выходы. Он считал необходимым осуществить это мероприятие, так как сложившаяся обстановка была иной, нежели было предусмотрено, а вокруг здания постепенно на-

чали стягиваться силы противника, сначала хеймвер, позднее полиция и войска. Захват здания продолжался примерно минут 20 и с военной точки зрения был проведен блестяще. 65 вооруженных солдат и полицейских были захвачены врасплох, без особого сопротивления с их стороны.

2) События за пределами резиденции бундесканцлера в момент ее захвата.

Внимание внешнего мира было привлечено к путчу вначале тем, что в 13.02, сразу же после проверки времени, по радиостанции Раваг было передано следующее сообщение: «Правительство Дольфуса ушло в отставку. Управление принял на себя д-р Ринтелен». Ганс Домес, возглавлявший группу, занявшую радиостанцию, вынул диктора передать это сообщение. Затем Домес и его товарищи после ожесточенной борьбы против превосходящих сил властей, длившейся 1 ч. 45 мин., оказались побежденными. Эта борьба привлекла к себе внимание общественности в большей степени, нежели события в резиденции бундесканцлера, ибо там все протекало внешне спокойно и никому, собственно, не было известно, что там произошло.

Сообщение Равага об отставке правительства должно было послужить паролем для поднятия по тревоге СА и всех национал-социалистов в Австрии. Но в ближайшие часы ни СА, ни другие партийные группы не включились в операции, проводившиеся в резиденции бундесканцлера и на радиостанции.

О действиях руководителей, находившихся вне резиденции бундесканцлера, Вейденхаммер показывал: «Задача Вехтера состояла в том, чтобы вслед за проникновением в резиденцию бундесканцлера наших людей направиться туда и вместе с Глассом приступить к переговорам с министрами... Я же поспешил в отель «Империал» к Ринтелену, чтобы договориться с ним о его действиях на ближайшее время. В случае удачного исхода операции мы намеревались отъехать из резиденции бундесканцлера все необходимые распоряжения...». В начале второго часа Ринтелен вдруг получил поздравление по телефону в связи с назначением его бундесканцлером. В 13.10 Ринтелену нанес визит надворный советник Бём и пытался воздействовать на него, чтобы тот в связи с только что переданным по радио сообщением немедленно отправился к бундесканцлеру и заявил ему, что он не причастен к этой мистификации. Но Ринтелен не пошел на это. Вскоре после телефонного разговора с Ринтеленом Вейденхаммер заметил на улице непривычное скопление полицейских и, почувствовав что-то неладное, попросил Ринтелена не выходить на улицу. Сам же он поспешно направился к зданию радиостанции, чтобы лично убедиться в том, что там произошло. После того, как Вейденхаммер покинул Ринтелена, тот позвонил генеральному директору Равага Оскару Чео и заявил ему, что, очевидно, передали неправильное сообщение и что он требует немедленного разъяснения.

Подойдя к радиостанции, Вейденхаммер не был допущен в здание полицейским патрулем. Он сразу же понял, что операция Домеса прошла не совсем удачно. Тогда он решил выяснить положение в резиденции бундесканцлера и поспешил туда. По дороге в Шауфлергассе он встретил Вехтера и члена национал-социалистской партии Павло. Вместе они попытались проникнуть в здание резиденции бундесканцлера, но, несмотря на то, что они называли пароль «89», пройти им не удалось.

3) Дальнейшие события в резиденции бундесканцлера. Телефонные переговоры Фейя.

Вскоре после ареста Фей потребовал встречи с командиром вторгшихся национал-социалистов. Была названа фамилия Хольцвебера. Хольцвебер распорядился привести к нему Фейя и сообщил ему, что командир не явился, а сам он находится в неведении, как ему действовать дальше. Из показания свидетеля эсэсовца Роберта Марешки явствует, что Хольцвебер рассказал Фейю о намечавшемся формировании нового правительства Ринтелена, в котором Фейю предлагалось занять пост министра безопасности. Фей ответил на это согласием. Следует заметить, что незадолго до 25 июля 1934 г. Фей пытался, правда, без особого успеха, установить связь с политическими инстанциями в рейхе.

Поняв, что они отрезаны от руководителей восстания, Хольцвебер и Камба приняли решение немедленно доставить в резиденцию бундесканцлера Ринтелена, чтобы с

его помощью найти выход из затруднительного положения. Камба вызвал по телефону дирекцию федеральной полиции, намереваясь переговорить с президентом полиции Зейделем, так как знал о его нацистских настроениях. Но Зейделя он не застал, а разговаривал с советником полиции д-ром Пенном. Из официального отчета, составленного Пенном в связи с этим телефонным разговором, можно установить, что разговор состоялся примерно в 4 часа дня. Камба сообщил Пенну, что хотел бы прийти в дирекцию полиции, чтобы переговорить с ним от имени и по поручению находившихся в резиденции бундесканцлера национал-социалистов.

За это время Хольцвеберу сообщили, что Дольфус изъявил желание побеседовать с Феем. Это сообщение пришлось весьма кстати Хольцвеберу и Камба, так как у них появилась надежда, что эта встреча поможет им найти выход из создавшегося трудного положения.

О беседе, состоявшейся между Дольфусом и Феем, имеются различные, довольно противоречивые показания. Полицейский Мессингер рассказывал о ней так: «Дольфус сказал Фею: «Да благословит тебя бог, Фей, как ты себя чувствуешь, что с другими министрами?» Фей ответил: «Спасибо, как видишь, хорошо». Вначале Дольфус попросил Фею позаботиться о том, чтобы Муссолини помог его семье, ибо он понимал, что близится его конец. Затем Дольфус распорядился, чтобы Фей поручил Шушниту, а в том случае, если его уже нет, то вице-президенту полиции Скублю, сформировать правительство. Один из национал-социалистов, которому, очевидно, беседа показалась затянувшейся, подошел ближе и сказал Дольфусу: «Господин канцлер, переходите ближе к делу». При этом никаких угроз с его стороны произнесено не было. Вполне понятно, он был вооружен, но оружием Дольфусу он не угрожал. Я довольно точно помню, что в ходе разговора шла речь о Ринтелене и сам Дольфус также говорил о нем, но подробности разговора и в какой связи это было сказано, припомнить не могу».

Эсэовец Фельбер, также присутствовавший при беседе, описывает ее таким образом:

Фей: «Дорогой и высокоуважаемый господин бундесканцлер, в Австрии разразилось народное восстание, следует избежать ненужного кровопролития. Ты согласишься с тем, чтобы канцлером стал Ринтелен?»

Дольфус: «Я тоже не хочу, чтобы лилась кровь. Хорошо. Пусть Ринтелен станет канцлером!» И спустя некоторое время: «Но я не желаю отдавать Австрию тем, которые не хотят ее существования».

Полицейский Грейфенэдер, напротив, показал, что не может припомнить, чтобы Дольфус выразил согласие с правительством Ринтелена. По показанию Грейфенэдера, на предложение поручить Ринтелену формирование правительства Дольфус ответил, что нужно сделать так, чтобы избежать кровопролития. Допустимо, что если расценивать приведенные выше слова канцлера как своего рода одобрение, у некоторых свидетелей могло создаться впечатление, что Дольфус тем самым изъявил согласие на формирование правительства Ринтеленом. Как бы там ни было, но Фей и Хольцвебера такое заявление Дольфуса вполне устраивало. Камба показал, что не может припомнить дословного ответа Дольфуса, но точно помнит, как в этот момент он подумал про себя: «Такой ответ на первое время нас устраивает».

После разговора с Дольфусом Фей составил следующее обращение: «К исполнительной власти и населению Австрии. В результате вооруженного столкновения ранен бундесканцлер д-р Дольфус. Он сообщил мне, что во избежание дальнейшего кровопролития он уходит в отставку и передает канцлерство в руки министра Ринтелена. До образования нового правительства исполнительные власти должны руководствоваться указаниями министра Ринтелена и заботиться о поддержании спокойствия и порядка. Призываем также население соблюдать полное спокойствие». Подп. Фей.

Вскоре после беседы с Феем Дольфус потерял сознание. Полицейские Мессингер и Грейфенэдер рассказывали, что начавшееся кровотечение помешало ему говорить. Последние слова канцлера были обращены к жене и детям. Спустя некоторое время он скончался. Мессингер показал, что смерть наступила примерно в 15.45. Но это не соответствует действительности, поскольку звонок Камба в дирекцию полиции, который имел место еще до беседы с Дольфусом, состоялся, как это видно из отчета советника полиции Пенна, что-то около 4 часов. Можно полагать, что смерть наступила примерно в 16.15.

После беседы с Дольфусом Фей под охраной вышел на балкон здания резиденции бундесканцлера со стороны Баллахусплатц. Установив с балкона связь с д-ром Людвигом Хумпелем из генеральной инспекции службы безопасности, который командовал полицейскими силами, осадившими резиденцию бундесканцлера, он попросил его подняться к нему, пройдя через ворота, выходящие на Метастазигассе. Хумпель в сопровождении участкового инспектора Эйбеля прошел в здание. Там Фей проинформировал его о случившемся. Он сообщил, что Дольфус очень тяжело ранен, и поручил ему (Фею) принять меры, чтобы избежать дальнейшего кровопролития и ожидать прибытия Ринтелена. Фей обратился к Хумпелю с просьбой не штурмовать помещение до прихода Ринтелена. Хумпель и Эйбель вернулись к себе, и Хумпель доложил по начальству о разговоре, состоявшемся с Феем. Спустя некоторое время Фей потребовал, чтобы Хумпель пришел к нему вместе с майором Примером из венского хейматшцуга. По их прибытии Фей обратился к Примеру с требованием, чтобы хейматшцуг не принимал каких-либо мер по своему усмотрению. В тот момент, когда Хумпель и Пример выходили из здания, к резиденции бундесканцлера прибыли войска.

После этих встреч Фей в присутствии Хольцвебера и некоторых эсэсовцев вел переговоры по телефону. Вначале он пытался разыскать президента полиции, но, не найдя его, приказал как министр безопасности одному из чиновников дирекции полиции снять с постов полицейскую охрану у здания. Затем по требованию Хольцвебера он позвонил директору радиостанции д-ру Куншти и приказал ему передать по радио сообщение следующего содержания: «В результате событий, происшедших в полдень, господин бундесканцлер тяжело ранен и находится при смерти. Несколько ранее он позвал меня к себе и сказал, что не хочет кровопролития, что ни одна из сторон не должна прибегать к каким-либо действиям и что он складывает с себя полномочия. Далее он сказал, чтобы Ринтелену было поручено формирование нового правительства на широкой основе и всякие действия должны быть прекращены... До прибытия Ринтелена и урегулирования положения я принимаю на себя как генеральный государственный комиссар руководство всей исполнительной властью и органами безопасности. Министр Ринтелен должен как можно скорее прибыть в резиденцию бундесканцлера».

Д-р Куншти, в свою очередь, вызвал к телефону правительственного советника Лустиг-Ленгница из ведомства Фей и ознакомил его с содержанием переданного Феем сообщения. Лустиг-Ленгниц немедленно поставил об этом в известность министра юстиции Бергера-Вальденга и по поручению последнего — Шушнига. После разговора с Лустиг-Ленгницем д-р Куншти позвонил в министерство обороны и зачитал находившемуся там министру Штокингеру текст обращения Фей. Штокингер, как подтвердил Шушниг, доложил содержание разговора кабинету министров. Через связного Куншти Шушниг получил копию обращения Фей и сообщил об этом по телефону президенту Милласу в Вельден.

4) Операция Камба. Кабинет министров в министерстве обороны.

Около половины четвертого Камба с обращением, составленным Феем, вышел из резиденции бундесканцлера через ворота, выходящие на Метастазигассе. Позднее он докладывал, что хеймверовцы, окружившие здание, обратили на него внимание, но ему удалось от них отделаться. Он направился в дирекцию полиции на Шоттенринг, к полицейскому президенту Зейделю, вручил ему сообщение и одновременно попросил указать место пребывания Ринтелена. Зейдель не сказал, где находится Ринтелен, а предложил Камба последовать за ним в министерство обороны. Там, как стало известно Зейделю, сформировался кабинет министров, правда, не в полном составе. Камба последовал его приглашению.

О событиях, предшествовавших созданию неполного кабинета министров, и о мерах, принятых им, Шушниг показал следующее: «Было что-то около половины третьего, когда мы собрались у генерала Ценера. До этого мы знали лишь о том, что: 1) в Раваг проникли вооруженные люди и там произошла борьба; 2) резиденция бундесканцлера занята примерно тремястами военных и полицейских, причем еще не было установлено, были ли они действительными или фальшивыми служащими исполнительной власти; 3) в Инсбруке убит майор полиции Хикель и 4) в Штирии вспыхнули локальные бес-

порядки. Первые сообщения из Штирии от директора безопасности полковника Лихена звучали весьма угрожающе. Тогда мы попытались каким-либо путем установить связь с Баллхауслатц, немедленно освободить радиостанцию и принять меры к занятию резиденции бундесканцлера, обеспечив при этом сохранение жизни и безопасности находившимся там лицам. Полиция доложила, что в здание Равага направлен отряд, а примерно часом позднее сообщила о том, что здание очищено. Мы поставили на ноги полицию и армию, а также добровольные охранные отряды. Я тут же установил связь с бундеспрезидентом, находившимся в Вельдене, на Вёртерзее. В общих чертах он имел уже представление о волнениях в Вене и сказал, что он не признает как правительственные действия членов кабинета министров, находящихся под арестом; меня, как одного из старейших министров, он уполномочивает временно осуществлять руководство кабинетом, предоставив мне конституционные полномочия. Далее он выразил желание, чтобы были приняты все меры по скорейшему освобождению резиденции бундесканцлера и сохранению жизни находившимся там лицам, в особенности спасению канцлера и остальных членов кабинета министров. Я попросил несколько минут на размышление и в то время, как бундеспрезидент ожидал у телефона, кратко обсудил положение со своими коллегами и изъявил согласие принять на себя выполнение порученного мне задания. Вскоре пришел президент полиции Зейдель с инспектором уголовной полиции, который был направлен к нам бунтовщиками из резиденции канцлера.

В своих показаниях Камба рассказывал, что ему пришлось выдать себя за преданного государству чиновника полиции. Министры были в довольно растерянном состоянии. Они начали расспрашивать его подробно о событиях в резиденции бундесканцлера и в особенности о состоянии Дольфуса. Причем этот вопрос был задан в такой форме, что он понял: о ранении Дольфуса им уже известно. Поскольку же он пришел с собой обращение, составленное якобы с согласия Дольфуса, Камба подтвердил факт ранения, но заметил при этом, что оно носит легкий характер. Вопреки истине он сказал, что у находящихся в резиденции бундесканцлера национал-социалистов имеется много оружия. Услышав это, министры были весьма озадачены. Далее он сообщил министрам, что ему поручено немедля возвратиться вместе с Ринтеленом, в противном случае все арестованные будут уничтожены. У Камба создалось даже впечатление, что министры примут предъявленный им ультиматум. Но в этот момент их беседа была прервана телефонным звонком Фея.

По указанию Хольцвебера Фей позвонил и сказал, что всякие операции, направленные против резиденции бундесканцлера, должны быть прекращены и Ринтелену поручается формирование правительства. Это сообщение Фея было принято министром Нейштедтером-Штюмером.

Нейштедтер-Штюмер об этом рассказал: «Министр Фей сообщил мне по телефону, что имел беседу с канцлером после ранения. На мой вопрос, серьезное ли ранение у канцлера, он ответил утвердительно. Канцлер поручил ему сделать все, чтобы избежать кровопролития, и сказал затем: «Пусть Ринтелен попытается наладить мир». Принимая во внимание это поручение канцлера, а также то обстоятельство, что бундеспрезидент уполномочил Ринтелена взять на себя руководство кабинетом министров, так говорил Фей, необходимо предоставить Ринтелену свободу действий. Я ответил Фею, что арестованные, видимо, введены в заблуждение, что бундеспрезидент и не думал назначать Ринтелена канцлером, а, наоборот, уполномочил министра Шушнига взять временно управление в свои руки. В связи с этим я не могу принять к сведению высказанные им пожелания, так как, по всей видимости, он находится под известным давлением. Выслушав это, Фей окончил разговор. При таком положении дела требовались быстрые и решительные действия. Кабинет министров принял решение не допускать каких-либо переговоров с Ринтеленом и предъявить ультиматум мятежникам. Ультиматум был составлен в мое отсутствие и позднее вручен мне. Мне вменялось в обязанность вместе с генералом Ценером отправиться в резиденцию бундесканцлера и предъявить восставшим ультиматум».

Шушниг позвонил Ринтелену в отель «Империял» и попросил его зайти в министерство обороны. Затем он послал главного редактора газеты «Рейхспост» Фундера на машине в отель «Империял» за Ринтеленом, а по прибытии Ринтелена в министерство обороны запер его в одной из комнат. О дальнейшем развитии событий Шушниг сообщал: «Мы знали только, что он (Дольфус) ранен. Причем мы вначале полагали,

что ранение легкое, поэтому мысли наши были направлены на то, как бы спасти его и других арестованных. Было принято решение: после того, как войска, полиция и поднятые по тревоге союзы обороны, направленные к резиденции бундесканцлера, будут приведены в состояние полной готовности, министр Нейштедтер-Штюмер и генерал Ценер направятся на Баллхаусплатц для ведения переговоров с восставшими о выдаче арестованных и освобождении здания. С этой целью я продиктовал Ценеру текст декларации о том, что по указанию бундспрезидента я принял руководство правительством, а также требования к восставшим, среди которых, как нам было доложено, не было действительных представителей ни армии, ни полиции. Нейштедтер-Штюмер и Ценер в начале шестого отправились с указанными материалами на Баллхаусплатц».

Утверждение Шушнига, что в тот момент он считал ранение Дольфуса легким, неправильно, ибо, если он и был вначале введен в заблуждение сообщением Камба, то после разговора с Феем ему стало известно подлинное положение дела. В составленном позднее отчете он дословно писал: «Что касается ранения Дольфуса, то Фей сказал, что, как он полагает, ранение скорее тяжелое». Нейштедтер-Штюмер также говорил, что перед уходом из министерства обороны из телефонного разговора с Феем он узнал о состоянии Дольфуса. Содержание этого разговора он передал Шушнигу и всем присутствовавшим министрам.

Как сказал Шушниг, Нейштедтер-Штюмер направился на Баллхаусплатц вскоре после пяти часов; Скубль же излагает это так: «В 16.35 мне позвонил Фей с Баллхаусплатца и попросил принять к сведению следующее: «Бундесканцлер ранен. Он высказал пожелание, чтобы прекратилось всякое кровопролитие. Слагая с себя обязанности бундесканцлера, он передает формирование нового правительства в руки посла Ринтелена. Это решение должно быть сообщено по радио». На мой вопрос Фею, тяжелое ли ранение у канцлера, он ответил: «Скорее тяжелое». Об этом разговоре я немедленно доложил Шушнигу, который на это сказал, что передача по радио не должна состояться!». Правительственный советник Лустиг-Ленгниц также показал, что около 5 часов он беседовал с Шушнигом о разговоре, состоявшемся с Феем.

О состоянии Дольфуса временный кабинет на Штубенринге узнал не только из телефонного разговора. Д-р Кемптнер, который во второй половине дня 25 июля находился на Баллхаусплатце, узнав о смерти Дольфуса, поспешно направился в министерство обороны. Об этом он показывал: «Было что-то около половины пятого, когда до меня дошел слух о смерти канцлера... Я поспешил на Штубенринг в министерство обороны, чтобы известить об этом собравшихся там министров и статс-секретарей, и затем снова возвратился на Баллхаусплатц». Что касается времени, то он ошибся, сказав, что это было в половине пятого; он указал, что сведения о смерти Дольфуса он получил после того, как встретил Нейштедтера-Штюмера, а это было примерно в половине шестого, так как именно в это время Нейштедтер-Штюмер пришел на Баллхаусплатц. То, что Кемптнер узнал о смерти Дольфуса в начале шестого, явствует также из сообщения правительственного советника Лустиг-Ленгница.

5) Переговоры на Баллхаусплатце. Арест национал-социалистов.

Примерно в половине шестого Нейштедтер-Штюмер и Ценер появились на Баллхаусплатце. Там они начали переговоры с Феем об освобождении резиденции бундесканцлера. О ходе этих переговоров правительство Шушнига распространяло столько лживых сообщений, что до сегодняшнего дня общественность не может составить себе ясного представления на этот счет. Вероятно, правительство было крайне заинтересовано в затушевывании событий, происходивших во второй половине 25 июля 1934 г. на Баллхаусплатце. Очевидно, ему было бы не совсем приятно, если бы миру стало известно, что не только террор и насилие по отношению к немецкому народу в Австрии, но и противозаконные и низкое коварство были той основой, на которой зиждилась их диктатура в последующие годы.

Во второй половине 25 июля 1934 г. правительство Шушнига, несмотря на то, что ему уже было известно о смерти Дольфуса, заверило окруженных в здании национал-социалистов, что им будет предоставлена свобода передвижения. Но уже с самого начала Шушниг был настроен не сдерживать своего обещания. И для того, чтобы скрыть

от мировой общественности нарушение данного обещания, он в лживом свете представил события, разыгравшиеся во второй половине 25 июля 1934 года.

Уже на заседании кабинета министров, состоявшемся в ночь с 25 на 26 июля 1934 г., обсуждался вопрос, какую позицию должно занять правительство по отношению к данному обещанию. По сообщению протоколиста кабинета министров министерального советника д-ра Тролля, никаких записей по ходу этого заседания не велось; из записей же, сделанных на заседании 26 июля 1934 г., вытекает, что уже 25 июля правительство приняло решение нарушить данное обещание. Об отношении Нейштедтера-Штюрмера к этому вопросу говорится: «Вчера уже занимались этими вопросами. Последнее мнение таково: нужно придерживаться точки зрения, что в момент ведения переговоров еще ничего не было известно о смерти Дольфуса. А посему можно не предоставлять права свободы передвижения путчистам, участвовавшим в убийстве, а также руководителям восстания».

О дальнейшем ходе этого заседания сообщается следующее: «Вице-канцлер Штаремберг высказал мнение, что данные обещания следует выполнять, но в то же время нужно поразмыслить и над тем, удержится ли правительство, которое в таких случаях действует слишком мягко. В особенности же за границей не смогут правильно понять, если большое число путчистов останется на свободе. Поэтому следует свести до минимума число тех, кто не принимал непосредственного участия в восстании, в особенности молодежь. Кроме того, необходимо категорически заявить, что право свободы передвижения было обещано лишь с той целью, чтобы спасти жизнь тем, кто находился в здании». Шушниг подтверждает, что «такое мнение отвечает результатам вчерашнего совещания». Из протоколов кабинета министров вытекает, что австрийское правительство сознательно действовало противозаконно по отношению к арестованным в резиденции бундесканцлера национал-социалистам. Одновременно подтверждается и то, что оно сознательно вводило общественность в заблуждение относительно совершившихся событий. Для этой цели правительство издало официальное изложение событий 25 июля 1934 г., так называемую «Коричневую книгу», издание которой осуществлял бундесминистр Адам. Редактирование этого произведения было произведено коллегией в составе Шушнига, Адама и Карвинского. Каким образом были извращены факты о праве свободы передвижения, подтверждает показание Адама при новом допросе. Он заявил, что должен признать, «что при изложении вопроса о свободе передвижения играли роль политические соображения, а поэтому описание событий было преподнесено общественности в несколько приукрашенном виде».

В «Коричневой книге» утверждается, что Шушниг дал Нейштедтеру-Штюрмеру и Ценеру текст ультиматума перед тем, как они отправились выполнять свою миссию на Баллхаусплатц. В докладе, составленном в 1934 г., Шушниг также говорит о письменном ультиматуме. В «Коричневой книге» текст ультиматума излагается следующим образом: «По приказу бундеспрезидента восставшим предлагается в течение четверти часа очистить здание на Баллхаусплатц. Правительство гарантирует восставшим свободный выход из помещения и переход границы при условии сохранения жизни всем членам правительства, которые противозаконно были лишены свободы. В том случае, если установленный срок истечет безрезультатно, будут применены соответствующие меры».

После того как стало известно о совещаниях кабинета министров 25 и 26 июля 1934 г. и о высказываниях Адама относительно намерений правительства по вопросу о свободе передвижения, можно с уверенностью признать, что письменный ультиматум является не чем иным, как сфабрикованной позднее фальсификацией. Характерно, что ни в одном из подробных сообщений австрийской печати по поводу событий 25 июля 1934 г. ультиматум не упоминается, хотя большинство этих материалов было инспирировано австрийской службой печати.

Из показаний бывшего бургомистра Шмитца явствует, что общественность была введена в заблуждение заблаговременно. Шмитц 25 июля 1934 г. получил от Шушнига задание собрать в ратуше представителей иностранной прессы и проинформировать их о событиях. Шмитц показал, что при этом предлагалось обратить внимание на «психологические настроения в народе» по поводу поведения национал-социалистов.

Прибыв на Баллхаусплатц, Нейштедтер-Штюрмер и Ценер, сославшись на решение кабинета министров, заявили находившимся там представителям исполнительной

власти, что намерены осуществить штурм здания. После этого они направились с некоторыми из этих лиц в караульное помещение, чтобы в деталях обсудить план наступления. К ним присоединился также и Шаттль. Последний высказал свои сомнения по поводу штурма здания, подчеркнув, что такая мера, без сомнения, приведет к большому кровопролитию. Вначале Нейштедтер-Штюмер не согласился с ним; в дальнейшем совещание было прервано сообщением, что на балконе резиденции бундесканцлера появился Фей. О последующих событиях Нейштедтер-Штюмер показывает: «Вместе с Ценером я немедленно отправился к зданию, на балконе которого появился министр Фей, окруженный несколькими вооруженными бунтовщиками. Фей, по-видимому, хотел сделать какое-то сообщение, но я прервал его словами: «Мне поручено правительством предъявить вам ультиматум. Если в течение 20 минут здание будет очищено, мятежникам будет гарантировано беспрепятственное отступление до немецкой границы, в противном же случае я прикажу штурмовать здание с применением оружия». Выслушав это, бунтовщики молча удалились, уведя с собой Фея».

О письменном ультиматуме ни в этом, ни в других свидетельских показаниях речи не было. На судебном процессе против Хольцвебера и Планетты Фею был задан вопрос: было ли обещание Нейштедтера-Штюмера о свободном отступлении связано с каким-либо условием? Фей ответил на это отрицательно. Даже в том случае, если Нейштедтер-Штюмер в момент появления на Баллхаусплатц имел в руках ультиматум правительства, содержание которого приводилось в официальном отчете о восстании 25 июля 1934 г., его предъявление было бы полнейшей бессмыслицей, ибо, прибыв на Баллхаусплатц, Нейштедтер-Штюмер и Ценер узнали о смерти Дольфуса. На судебном следствии по делу Хольцвебера и Планетты Нейштедтер-Штюмер хотя и показал, что о смерти Дольфуса узнал лишь после окончания переговоров с Феем, но это показание было ложным. На заседании кабинета министров от 26 июля 1934 г. он утверждал обратное тому, что было сказано им на суде. В записях заседания кабинета министров дословно говорится: «В начале переговоров представитель еще не знал о смерти Дольфуса. На этом основании он и не выдвинул условия о сохранении жизни арестованным членам правительства; если бы это условие было поставлено, то все дело провалилось бы. Перед окончанием переговоров он уже знал о кончине бундесканцлера, но тем не менее ничего не сказал по этому поводу».

Переговоры между Нейштедтером-Штюмером и Феем затянулись, так как Фей часто уходил с балкона, чтобы посоветоваться с национал-социалистами, находившимися в прилегающих к балкону комнатах. Как показал Хольцвебер, Фей был своего рода связующим звеном с внешним миром. От случая к случаю вместе с Феем появлялись на балконе и эсэсовцы. Национал-социалисты хотели знать все подробности о том, как будет осуществлена свобода передвижения, и требовали гарантий. Нейштедтер-Штюмер вынужден был несколько раз продлевать срок, назначенный для освобождения здания. По поводу переговоров между Нейштедтером-Штюмером и Феем имеются различные сообщения. Ниже приводится одно из них, опубликованное в «Рейхс-пост» от 26 июля 1934 года. Оно составлено, по-видимому, одним из корреспондентов газеты, присутствовавшим на Баллхаусплатц.

«В 6 ч. 10 мин. министр Фей вновь появился на балконе и, попросив министра Нейштедтера, передал ему просьбу о продлении срока до 7 часов. Нейштедтер ответил: «До 7 часов? Нет, на это мы не пойдем. Только до половины седьмого. Повторяю еще раз и подкрепляю честным словом солдата, что свободный отход до немецкой границы будет обеспечен». Эти слова, очевидно, не были поняты надлежащим образом.

Фей крикнул с балкона: «Они спрашивают, начнется ли эвакуация немедленно?»
Нейштедтер: «Да».

Фей: «Они спрашивают, какую охрану им дадут. Полицию?»

Нейштедтер, не будучи, видимо, подготовлен к этому вопросу, оглянулся.

Фей снова крикнул: «Они требуют войсковой охраны!»

Нейштедтер: «Да, они получают ее. Все должны покинуть здание и разместиться на грузовиках. Даю гарантию, что ни с кем ничего не случится».

На этом переговоры закончились. Вскоре Фей вновь появился на балконе. За ним вышли два человека в офицерской форме 5-го пехотного полка. Это были руководители мятежа, один из них, как говорили, бывший командир взвода по фамилии Хольцвебер.

Фей крикнул: «Для гарантии, что во время переброски с ними ничего не произойдет, необходимо передать по радио, что им предоставлено право свободы передвижения!»

Нейштедтер ответил: «Полагаю, что меня неправильно поняли. Ведь я обещал дать войсковую охрану. Тогда с ними ничего не случится».

Фей: «Гарантируя безопасность лицам, находящимся в здании, они хотят, чтобы была обеспечена и их безопасность».

Нейштедтер: «Я это обещаю. Мы выставим круговую охрану на площади возле бюро бундесканцлера и обеспечим беспрепятственный уход, так что им нет оснований бояться заслуженного наказания».

Тут к Фею подходит один из мятежников и шепчет ему что-то на ухо. Фей передает: «Они требуют руководителем эскорта офицера из высшего состава». Нейштедтер соглашается с этим. Затем на балконе появляется человек в форме майора; он говорит с Феем. Тот, в свою очередь, обращается к Нейштедтеру-Штюмеру и просит его подойти к воротам со стороны Метастазигассе. Нейштедтер-Штюмер в сопровождении Ценера направляется туда. В это время начинают освобождать площадь, а с тыловой части здания у зарешеченного окна появляется парламентар от мятежников. Он договаривается с членами правительства о деталях переброски. Восставшие вновь требуют обеспечить им полную безопасность. Нейштедтер-Штюмер заверяет их в выполнении этого обещания и говорит: «Под безопасностью я понимаю войсковую охрану». Восставшие выдвигают требование оставить им до границы огнестрельное оружие, но это требование отклоняется. В конце концов они принимают поставленные им условия.

Национал-социалисты намеренно потребовали, чтобы Фей в ходе переговоров с Нейштедтером-Штюмером подробно оговорил условия свободы передвижения. Чтобы гарантировать себя во всех отношениях, они потребовали войсковой охраны. Им было также обещано, что их семья и имущество будут доставлены вслед за ними в Германию. Хольцвебер вызвал по телефону посла Германии Рита и попросил его прийти к зданию бундесканцлера и присутствовать в качестве свидетеля при переговорах с членами австрийского правительства. Фей также принимал участие в переговорах с ним. Он сообщал, что посол спросил его, должен ли он приходить, и заявил, что, собственно говоря, это дело его не касается. Когда Рит все же пришел к зданию бундесканцлера, он сказал членам австрийского правительства, что пришел сюда не «как посол, а как обычный человек». Не установлено, присутствовал Рит при переговорах или нет. В своем отчете Фей сообщал, что Рит был свидетелем переговоров. Нейштедтер-Штюмер показал: Рит пришел после переговоров и спросил, а не намерено ли правительство интернировать также и его. Нейштедтер-Штюмер на это ответил, что, участвуя в переговорах, Рит тем самым «связывает себя с бунтовщиками», а поэтому он не рекомендовал бы ему делать этого. После этого Рит покинул Баллхаусплатц...

Около 7 час. к зданию резиденции бундесканцлера подъехали полицейские машины. Национал-социалистам было сказано, что они будут отправлены на этих машинах, дабы не привлекать к себе внимания. Они сдали оружие, сели в машины, в надежде что их повезут к государственной границе, а родные вскоре последуют за ними в Германию. Но путь полицейских машин лежал не к границе, а в так называемые Марокканские казармы. Ответственность за это лежит в первую очередь на Шушнице.

Как известно, Шушник держался вдалеке от переговоров, происходивших на Баллхаусплатц. Он появился там уже под вечер, когда на площади собрались и все остальные министры. Если до этого все присутствовавшие на Баллхаусплатц не сомневались, что обещание, данное национал-социалистам, будет выполнено, то после появления Шушника стало очевидным, что высокие лица и не думали сдержать данное ими слово. Шушник сам признал, что ответственность за нарушение обещания лежит на нем. В отчете о событиях 25 июля 1934 г. он говорит: «Я распорядился... чтобы восставшие провели ночь в Вене, и по предложению господина вице-президента Скубля они были направлены в Марокканские казармы». Этим подтверждается также и вина Скубля. Скубль признал, что руководил отправкой нацистов в Марокканские казармы.

(Окончание следует.)